Летный по-пешему

Владимир Дроздов

SHOUT
SHARE
IT

- Дроздов Владимир

Дроздов Владимир
Летный по-пешему

Владимир Дроздов
ЛЕТНЫЙ ПО-ПЕШЕМУ
авт.сб. "Над Миусом"

Над ним неподвижно висит ярко-синее небо. Внизу еле ползет заснеженная степь с ослепительно сияющими, словно отполированными до блеска сугробами и застругами, со смутно темнеющими кое-где проплешинами.

А он будто в гамаке подвешен - почти не ощущает полета. Хотя идет невысоко - всего триста метров над землей. Встречный воздушный поток протяжно гудит, тонко звенит в расчалках - словно кто-то беспорядочно и с силой дергает струны арфы.

Наверно, мелодии расчалок навсегда связались в памяти Леонида Бахтина с первыми полетами в летной школе. Незабываема первая любовь! бот и сейчас он как инструктор - со своим стажером Виталием - летит на высоте учебного полета. А на войне самолету У-2 полагалось бы идти бреющим - зимой над поверхностью снежного покрова, летом над самыми макушками кукурузы. Он за то и прозван "кукурузником". Ему - тихоходному, фанерно-полотняному-на бреющем не опасна стрельба зениток. Да и "мессерам" сверху труднее его сбить-побоятся врезаться в землю при выходе из пике.

Впрочем, сегодня "мессеры" Леониду не угрожаютвся авиация противника еще в первых числах января переброшена с Кавказа под Сталинград-выручать окруженную там армию Паулюса.

Неожиданно Леонид замечает: изменилось освещение! С неба слиняла яркая синева, горизонт начал затягиваться пеленой. И внизу, на земле, потух блеск полированных ветром снежных застругов, отчетливее выделились темные пятна проталин и гораздо выпуклее стали видны дома в хуторах и станицах. Вот уж впереди по небу поплыли белыми клубками кучевые облака - еще очень высоко. Но за ними - все ниже и ниже - ползут сплошные серые тучи. Хорошо бы под них подобраться!

Ведь чем выше летишь, тем дальше видишь. Однако и эти тучи пока слишком высоки - нет смысла тратить бензин и время. Да и как ни мало шансов встретиться с "мессерами", а все же лучше не рисковать, выше трехсот метров не подниматься-всегда успеешь вовремя спикировать к земле.

Взгляд Леонида скользит вдоль линии полета и внезапно зацепляется за что-то - только мелькнуло, еще не осозналось. Да,

у разъезда Прощальный сквозь черную сетку стволов тополей и кустов видны хаты, пристанционные строения. А между ними... утюги! Танки? Или машины с грузом?

Леонид кричит в переговорный аппарат:

- Смотри, около разъезда Прощальный вроде наши танки замаскированы!

И показывает рукой направление. В зеркале обратного вида замечает, как Виталий зашевелился, повернулся к разъезду. Леонид и сам всматривается да, вон под тополями, среди кустов, у домов. Не очень тщательно прячутся-знают, что нет здесь у противника авиации, некому их разглядывать. Старик - командир полка - предупредил Леонида, посылая в этот полет: "Ты стажеру только тогда показывай, когда он сам не видит. А так давай все-таки ему инициативу. Приучай и в степи находить ориентиры, привязывать к ним объекты разведки. В общем, тыкай носом и объясняй что к чему".

Леонид ждет, чтобы Виталий проявил инициативу.

Но тот упорно молчит. Конечно, пока "мессеров" нет, время терпит. Они бы размышлять не дали... Неожиданно Леонид и сам начинает сомневаться: да наши ли это танки? Уж больно вокруг безлюдно. Не изменить ли первоначальный план полета? Залететь по пути в Прощальный - разобраться. А уж оттуда - к станции Атаман, вдоль линии железной дороги. Очень кстати Леонид вспомнил и еще одно наставление Старика: "Капитан Воротов предложил нам проверить посадкой, не освободили ли танкисты станицу Егорлыкскую и станцию Атаман.

Но ты поаккуратней проверяй. Сначала облетай все кругом. И садись, только если убедишься, что от тебя не прячутся. Враг тут почему отступает? Боится, как бы его здесь, на Кавказе, не отрезали те, кто от Сталинграда на Ростов идет. Небось помнишь, как хозяйка в Прилужном говорила: "Фашистов-то много больше отступило, чем вас наступает. Глядите, не заманивают ли?" Ну, мы-то знаем, почему они отступают, а ты все ж поаккуратней будь".

Леонид понимал Старика. Легко сказать - проверить посадкой, куда вышли наши подвижные войска...

Попросту говоря, летчики должны помочь поддерживать связь штаба фронта с конно-механизированными корпусами Селиванова и Кириченко, с танковыми бригадами Титова и Маслова. А что будешь делать? Для телефонной связи никаких проводов не хватит. Тем более - между соседями. Да и не успеть их протянуть. И радиостанций еще слишком мало. И открытым текстом о наступлении своих войск не передать по радио. А пока радиограммы шифруют, передают и дешифруют... Даже офицерам

связи на "виллисах" не угнаться за подвижными группами. Им ведь приходится носиться туда-сюда меж войсками и штабом фронта.

Вот некоторым опытным летчикам полка и приказали пересесть со своих И-16 на "кукурузников". "Ишачкам" зимой на Северном Кавказе и в ровной-то степи не приземлиться где попало. Ветры надувают сугробы, перетяжки снежные хребтики. Они, конечно, невысоки.

Но хоть и немного того снега, все же вполне достаточно, чтобы в нем завязнуть - стать на нос, скапотировать, разбить машину. А у "кукурузника" и разбег и пробег небольшие, для него легче выбрать площадку без снеговых пересыпей, сувоев...

На У-2 летчики полка уже не раз подсаживались к передовым частям, получали у них боевые донесения и быстро доставляли в штаб фронта. И Леонид Бахтин не впервые на такое задание летит. Только вот Виталию стажеру этому - как ни показывай, а толку... Ну, разве иначе попробовать? Леонид с высоты трехсот метров спикировал на танки у разъезда Прощальный. Уже убедился, что наши, понадеялся: танкисты не выдержатпокажут себя Виталию.

И верно-из-под навесов выскочили, замахали...

Виталий наконец отозвался:

- Вижу, товарищ старший лейтенант! Это наши танкисты!

Или даже хорошо, что Виталий не спешит разобраться? Зато если что-нибудь поймет, то уж надежно усвоит. Его разведданным можно будет верить. А пока Виталий усваивает, надо найти подходящее место для посадки.

Леонид внимательно вглядывался, но так и не увидел ни клочка ровного поля. Вокруг разъезда остались старые окопы, да и снежных сугробов порядочно наметено.

А сядешь далеко - потратишь много времени, пока до людей доберешься. Зимой день короток.

Леонид еще продолжал кружиться, когда вдруг заметил, что танкисты очень согласно машут руками и шапками в сторону станции Атаман. Подумалось: советуют лететь туда, догадываются, что мне здесь не приземлиться? Да у них, наверно, и начальство уже там - в Егорлыкской. А здесь только какой-нибудь потрепанный в боях батальон. Бахтин насчитал всего с десяток ганков.

До станции Атаман один перегон - можно долететь за десять минут. А уж там-то, наверно, имеется подходящая посадочная площадка.

Леонид помахал танкистам крылышками и развернулся к станции Атаман. По дороге он еще поднабрал высотенки метров

триста, чтобы удобнее было выбирать место для приземления. И вдруг изумился-в белоснежной степи какие-то красные пятнышки! Словно ягоды рябины сброшены в снег нашими северными гостями - снегирями. Да это же лисы-огневки! Вылезли под вечер из рыжего прошлогоднего бурьяна помышковать. Голод выгнал. Вон одна к скирде направилась-знает, что под копнами, стогами, скирдами всегда грызунов полно.

Подлетая ближе, Леонид еще полюбовался ловкими, прямо балетными прыжками рыжих красоток. И только тут заметил: на окраине станции Атаман какие-то странные бело-бежевые пушки. Камуфляж? Однако их дула почему-то направлены в сторону разъезда Прощальный!

Скорее всего, вражеские, из частей африканского корпуса Роммеля-его в конце сорок второго, всего месяца два назад, перебросили в калмыцкие степи для наступления на Кизляр или Астрахань. А ведь Леонид был совершенно уверен: в Егорлыкской свои... И капитан Воротов говорил Старику... Но может быть, танкисты в Прощальном как раз о врагах и хотели предупредить летчиков?

Леонид автоматически прибавил газу и ввел самолет в глубокий вираж. Однако его нетерпение почему-то не заразило "кукурузника". Леониду показалось, что тот разворачивается еле-еле.

И тут внезапно кто-то снизу резко подбросил "уточку" вверх. Колодки ножных педалей больно ударили Леонида в подошвы сапог. Потом пришел звук разрыва зенитного снаряда, и в кабину проник острый бензиновый дух. В голове мелькнуло: ну, сейчас вспыхнем, как клочок ваты! Он сумел еще вывести самолет из разворота и круто спикировать - на максимальной скорости пошел к земле. Подумалось: хорошо, хоть мотор работает! Но все уже было пронизано ожиданием второго удара. Его не последовало, и Леонид по переговорному спросил стажера:

- Не ранило тебя?

В зеркало увидел: тот быстро вскинулся. Однако ответил, немного помедлив:

- Нет, кажется, не ранило.

Леонид усмехнулся: ну, сплошные удачи -сначала сбивали, да не сбили, потом бензин потек, да не загорелся; теперь же, оказывается, еще и не ранили никого!

Прямо хоть пляши на радостях!

Плясать не хотелось. Надо было быстро решать, куда тянуть. К разъезду Прощальный? Там свои. И пусть не у самого разъезда - можно будет чуть подальше приземлиться. Леонид слегка довернул машину. Теперь хватило бы остатков бензина.

Внезапно он увидел: впереди, поперек его курса, по грейдеру к Егорлыкской движется колонна фашистских автомашин и броневиков. Той самой бело-бежевой камуфляжной раскраски. Штук пятнадцать-двадцать.

Невольно Леонид шарахнулся от них-развернулся на девяносто градусов, благополучно перетянул через широкую лесопосадку. И тут мотор затрещал, давая перебои, словно предупреждая летчика, а затем окончательно заглох. Мелькнуло: вот и кончились наши удачи...

Леонид посадил "уточку" при сильном боковом ветре уверенно-обычная работенка! Тем более что здесь, на пологом южном склоне, почти не было снега и землю даже слегка отпустило. Он выпрыгнул из кабины, и порадовался, что полетел не в унтах, хотя надел сапоги лишь для того, чтобы быстрее бегать к наземным войскам за донесениями. Тут же Леонид взглянул на ноги Виталия.

Конечно, стажер полетел в унтах. Леонид подумал: молодому пилоту хочется ощущать себя причастным к летному племени.

А когда поднял глаза от унтов Виталия, то невольно подивился какому-то напряженному и вместе с тем подетски беззащитному выражению лица стажера. Да ведь ему всего восемнадцать, ребенок еще, подумалось Леониду.

Однако Виталий вдруг схватился за кобуру пистолета и проговорил торопливо, с видимым усилием, звонким, срывающимся голосом:

- В плен не сдамся, последнюю пулю-в лоб!

И Леонид спокойно подтвердил:

- Я тоже!

А сам бросил взгляд в сторону лесопосадки: не погнался ли за ними какой-нибудь из броневиков, шедших по грейдеру? Нет, там пока никого не было видно. Леонид для себя давно решил: ни при каких обстоятельствах в плен не сдастся. Но хорошо, что Виталий первым заговорил об этом. А сейчас надо как можно скорее бежать от самолета! Наверно, фашисты решили: У-2 ушел бреющим. Лесопосадка прикрыла приземление "кукурузника". А в летном планшете боевые донесения двух казачьих полков - к ним подсаживались перед выходом на разъезд Прощальный. И всего важнее: там приказ штаба фронта танкистам Титова. В нем сказано, куда наступать после освобождения станицы Егорлыкской. Находка для противника!

Спички! Сжечь все документы, пока их обоих не убили? Вот когда Леонид пожалел, что не курит, - спичек у него с собой не было. Но неужели-смерть? Конечно, против броневика не повоюешь с пистолетами... Леонид скомандовал:

- Ну, бегом вон в ту балку!

Летчики похватали свои НЗ, планшеты с картами и бросились что было духу. Однако в унтах со спадающими поминутно калошами не разбежишься Виталий сразу отстал. И Леонид остановился, поджидая товарища. Он ругал себя: почему не настоял, чтобы и тот надел сапоги? На бегу Леонид несколько раз оглядывался - со стороны лесопосадки никто пока не появился. Но минут через пять-шесть Виталий перешел на шаг и еле выдохнул:

- Не могу больше бежать...

- Давай еще немного. Вон хоть до той балки - не видно нас будет.

Но где там до балки! Виталий вовсе остановился. Леонид схватил его за руку, сказал:

- Потяну тебя, все легче будет.

- Нет, киньте меня, товарищ старший лейтенант!

Сами бегите! У вас документы, карты... Я шагом пойду, нет моих сил бежать.

- Зачет команды по последнему!-мрачно сказал Леонид.

Он подхватил Виталия под руку, и они проволочились то по снегу, то по грязи еще минут пять. Леонида подхлестывало изнутри нетерпение, он все время оглядывался.

А Виталий поминутно останавливался, теряя калоши, надевал их и снова еле плелся.

Постепенно Леонид смирился - без калош унты промокнут, утяжелятся... А броневики, видно, побоялись завязнуть в грязи, иначе давно бы уже здесь были. Или пошли в обход по дорогам? Нет, скорее всего, просто не поняли, что "кукурузник" вот-вот сядет. Мотор работал, и самолет так быстро от них шарахнулся. Они даже не успели открыть огонь по его красным звездам. Или у отступающих другие заботы? И значит, со смертью можно пока повременить. Подумалось: ведь отсюда никто не напишет матери и жене. Хотя вряд ли им стало бы легче, если б получили извещение, что он пал смертью храбрых из-за калош на унтах второго пилота.

Ирония, как всегда, помогла - Леонид переключился на более близкие заботы. Найти бы скирду, стог, чтобы переждать в них до темноты. А ночью идти на восток по ручному компасу - он у него неизменно на правом запястье. Только как читать показания? Если бы карманный фонарик... Леонид спросил:

- Нет ли спичек?

И сразу пожалел - Виталий тотчас воспользовался предлогом-остановился, принялся хлопать себя по карманам комбинезона. Вдруг улыбнулся:

- Есть!

Вытащил коробок, попросил, все еще улыбаясь:

- Разрешите закурить?

Леонида взбесила эта улыбка. Мальчишка! Все ему игрушки. Не сознает, какая опасность над ними нависла.

Леонид крикнул:

- С ума сошел! Давай сюда!

Хотя на таком ветру вряд ли Виталий смог бы прикурить от спички, разве что от всего коробка...

Кое-как летчики наконец добрались до ближнего оврага, скатились в него. Виталий с несчастным видом уселся на склоне, а Леонид испытал мгновенное облегчение-у самолета по-прежнему никого не было видно.

Он вынул коробок, чтобы пересчитать спички, но тот был почти полон. И Леонид обернулся к Виталию, сказал:

- Ну ладно,закуривай!

Леонид сделал ладони ковшиком, помог парню закурить и, пока тот с наслаждением затягивался, принялся объяснять ему план дальнейших действий.

Но когда они спустились по извилистому крутому оврагу к широкой балке, в которую овраг впадал, Леонид встревожился. Ведь по дну балки протекала речка Мокрая Грязнуха и шла проселочная дорога! А ну как по этой дороге двигаются сейчас немцы? Или пусть даже местные жители... Наконец сюда - по дороге - могут прийти те броневики.

С усилием Леонид все же заставил себя выглянуть из устья оврага в балку. Она была пуста. А на противоположном берегу Мокрой Грязнухи стояла большая скирда! С минуту Леонид выжидал, не покажется ли из-за нее кто-нибудь. Наконец решился, сказал Виталию:

- Жди меня здесь за выступом, я поищу брода.

Виталий тотчас сел. Спускаясь в балку, Леонид соображал: через реку придется тащить парня на себе, такого брода, чтобы курице по колено (а Виталию-до калош), все равно не найти.

Вблизи Мокрая Грязнуха вполне оправдывала свое название. Берега из раскисшего топкого чернозема - вроде как у торфяных болот на Севере. Еще не дойдя до главного русла, Леонид уже увяз по щиколотку. Он измерял глубину жесткими будыльями - стеблями бурьяна. Но в воде они размокали, гнулись-трудно было понять, какое дно у этой Мокрой Грязнухи. Хорошо хоть, течение медленное. Леонид осторожно ступил в воду - ничего, не набрал за голенище. Сделал еще шаг, еще.

Ну конечно, дно вязкое, илистое. С Виталием на спине, пожалуй, глубже провалишься. "Пойду быстрее-только и всего", -

успокоил себя Леонид.

Он возвратился в овраг за товарищем. Виталий уже доедал свой НЗ. Что это-храбрость неведения? А может быть, просто нехватка воображения? Сам Леонид отнюдь не страдал этим недостатком. Ему уже не раз казалось, что его настигнут в степи, пока бежал от самолета, в овраге, здесь, у переправы... И теперь чудилось, что их увидят, когда они станут подниматься по склону балки к скирде. Так и вставали в глазах сине-зеленые фигуры немецких автоматчиков. Леонид торопился. Но Виталий ни за что не соглашался, чтобы его несли на плечах.

- Я приказываю, товарищ сержант! - крикнул Леонид.

Однако идти с таким грузом на спине совсем не то же самое, что одному. Пусть Виталий не весит и шестидесяти пяти килограммов, но его комбинезон из чертовой кожи на тяжеленной цигейке, унты из двухслойного меха с огромными и весьма увесистыми калошами - все восемьдесят получится. Конечно, Леонид набрал за голенища, переходя речонку. А с мокрыми ногами при нуле градусов и под пронизывающим ветром...

Все же Леонид заставил себя сначала вскарабкаться к скирде. Наверно, ее складывали еще летом сорок первого, ведь в июле сорок второго эти места уже были оккупированы. Как бы там ни было, просяная солома слежалась до каменной крепости.

Стараясь согреться, Леонид вырывал из скирды клочки, пучки - сколько удавалось захватывать. Надо было сделать нишу, пещерку-спрятаться в ней обоим. А Виталий стоял рядом и бубнил:

- Товарищ старший лейтенант! Это же мартышкин труд! Лучше ляжем под нее, все равно нас никто не заметит.

- Наши синие комбинезоны на желтом фоне... Биноклей у них нет, что ли? Помогай, черт тебя дери!

Тут Виталия настигла медвежья болезнь. Леонид продолжал выдергивать пучки соломы, с каждым разом они получались все больше - натренировался. Однако согреться не удавалось - его бил озноб. И пальцы он уже ободрал в кровь. Все-таки дело подвигалось, а тут еще и Виталий присоединился. Не слишком ретиво, без большого рвения. Леонид сказал:

- Ну-ка, залезь внутрь, проверим, много ли еще осталось.

Виталию хватило места, но для Леонида... Он же гораздо крупнее, массивнее. И тут старший лейтенант Бахтин пе выдержал - сел на кучку выдранной из скирды соломы. С большим трудом он стащил с себя сапоги, потом снял и насухо отжал шерстяные носки, взялся растирать ступни ног. Снова обулся. Виталий все это время пролежал в нише. Наконец Леонид

сказал резко:

- Вылезай, доделаем.

Однако пока они расширяли свое убежище, ноги у Леонида опять застыли. И когда летчики наконец забрались в пещерку, Леонид не смог усидеть в ней и получаса. Пришлось сдвинуть заслон из целого снопа соломы, которым была прикрыта их ниша снаружи. Леонид осторожно выглянул - никого. А вокруг голая степь, далеко все видно. Леонид вылез и принялся топтаться на месте в тщетной надежде разогреть замерзшие ноги. А Виталий даже не пошевельнулся-сразу крепко заснул. И Леонид мог бы не вылезать-снял бы сапоги и мокрые носки, чтобы спрятать ступни в меховые штанины летного комбинезона. Но с Виталием на спине Леонид увязал глубоко и основательно промочил низ штанин. Так что отогревать ступни в холодном сыром меху не имело смысла. Впрочем, и прыгать перед скирдой-тоже. Ведь его могли заметить. Леонид снова полез в соломенную пещеру.

Он все не решался сжечь документы. Понимал, конечно: донесения казачьих полков неизбежно устареют, когда он наконец доберется до Старика. Но вопреки доводам рассудка, Леонид остро ощущал: стоит только уничтожить документы, и он навсегда потеряет самоуважение, превратится в жалкого труса. А пока они лежат в его планшете, он вынесет, не дрогнув, любые тяготы ночного пути к своим. Леонид не мог даже представить себе: вот он стоит перед Стариком, признаваясь в позорной слабости - сжег, побоялся! При одной мысли о возможности подобного унижения мурашки поползли по спине. Нет, он не сожжет документы! Разве только если придется пустить себе пулю в лоб, чтобы не. попасть в плен...

Около шести вечера наконец смерклось. Леонид заранее прикинул пути возвращения к своим. Он опасался только того грейдера, по которому шли броневики с автомашинами. А прямо от скирды на юг вела к хутору Майскому проселочная дорога. За три часа их сидения в скирде никто по этой дороге не прошел, не проехал.

И Леонид предполагал свернуть с нее, не доходя до Майского, к хуторам Садовому и Ново-Донскому. Они расположены юго-восточнее разъезда Прощальный, как бы в его тылу. Вряд ли там еще задержались войска противника. А пройти за ночь пятнадцать - двадцать километров, наверно, удастся.

Однако между планами, прикидками и действительностью часто вклинивается неожиданное или непредсказуемое. Летчики едва успели покрыть с полкилометра дороги, как услышали впереди неясный гул голосов и...

блеяние овец!

Над степью метался порывистый южный ветер, по безлунному черному небу неслись разорванные в клочья, нагоняющие друг друга облака. Они громоздились в причудливые груды - казались стадами черно-серых овец.

Леонид даже посмотрел вверх - уж не оттуда ли доносится блеяние? Но сообразил, чем может грозить встреча с отарой, охраняемой свирепыми кавказскими овчарками.

И хотя ему представлялось, что до овечьего гурта еще далеко, он присел на корточки. Так, на фоне неба, всетаки более светлого, чем земля, рассчитывал увидеть, что происходит впереди.

Долго разглядывать не пришлось. В пугающей близости каких-нибудь десятков метров ехали по дороге прямо на него тесной кучкой всадники. Они не спешили-Леонид увидел покачивающиеся мерно силуэты, огоньки папирос. За ними с неясным шорохом и топотаньем ползла странно белесая в ночной тьме овечья отара. Леонид схватил Виталия за руку, увлек в сторону от дороги, заставил присесть посреди бурьяна. Сообразил: конному сверху в темноте не заметить сидящих на корточках. Это как "мессерам" даже днем с обычных высот полета не разглядеть на фоне степи "ишачка" или "кукурузника", летящего бреющим. А все-таки... Леонид шепнул Виталию на ухо:

- Вынь пистолет, приготовься!

И сам вытащил из кобуры свой "ТТ", снял с предохранителя, но тут же спросил себя: к чему приготовиться? Чтобы подороже продать свою жизнь? Чтобы умереть достойно? Однако умирать он не хотел. Ведь если первыми выстрелами и удастся свалить двоих, то остальные сразу спешатся, откроют огонь из автоматов...

А документы?! Они не должны попасть в руки противника!

Виталий наконец разглядел верховых, шепнул разочарованно:

- Их всего-то шестеро!

- А сколько еще позади стада?

Ветер почти ураганной силы дул со стороны всадников, можно было не бояться, что шепот летчиков будет услышан. Зато Леонид различал обрывки то немецкой, то полурусской-полуукраинской речи. Он понял: по крайней мере двое - местные пастухи. Вероятно, их заставили отгонять овец - ведь они знают дорогу. Но, стреляя в темноте, еще как раз в них-то и угодишь...

Верховые проезжали мимо. Были отчетливо видны высокие тульи немецких фуражек, торчали короткие стволы автоматов... И Леонид запоздало пожалел, что не открыл по ним огня.

Однако трезво представил себе, как всадники, едущие позади стада, устраивают на них облаву с собаками.

Опять вспомнил о документах, которые не сжег...

Вот только он никогда не мог бы вообразить себе немцев на конях. В самолетах, танках, на автомашинах-да.

Но верхом... Нечто совсем нереальное!

Внезапно ему в плечо ткнулась овечья морда. Овцы набрели на Леонида и Виталия, остановились, бестолково сгрудились и затолклись на месте с недоуменным, жалобным, даже вопрошающим блеянием.

"Этого еще нам не хватало!" - возмутился Леонид.

А Виталий оттолкнул одну овцу. Она шарахнулась в сторону, и тотчас остальные стали обтекать летчиков вслед за ней. Минутная задержка стада не привлекла внимания верховых. Снова и снова наплывали небольшие овечьи гурты. Но Леонид с Виталием молча их расталкивали, направляли, и животные послушно обходили все еще сидящих на корточках летчиков.

Собак вроде поблизости не было. Или сильный порывистый ветер мешал им учуять Леонида и Виталия? Однако Леонид напряженно ждал их появления. Впрочем, и всадников, подгоняющих стадо сзади. Они, скорее всего, движутся цепью - вполне могут наткнуться.

А уж тех-то не оттолкнешь - разве только выстрелами. ..

Как же долго тянулось овечье шествие!

- У меня затекла нога!-пожаловался шепотом Виталий.

Леонид, едва не послал его подальше. Сам почти не чувствовал ног, хотя все время шевелил пальцами в мокрых носках.

Но вот наконец показались всадники. Ехали они такой же тесной кучкой, по той же дороге, как и первая группа. Видно, не очень-то их беспокоила судьба отары, гораздо больше - своя собственная. Они не разговаривали, не курили. Боятся отстать, попасть в плен? Леонид насчитал семь силуэтов. И не обнаружил собак. Он испытал мгновенное облегчение. Но тут же одернул себя: ведь вслед за первой отарой могла пойти еще одна. Не было ни малейшего желания встречаться с ней. Леонид и такто еле-еле поднялся с корточек - все тело словно сковало холодом. Вместе с Виталием он проделал несколько упражнений - размялся. И решил уйти с этой дороги в сторону даже пересечь грейдер, лишь бы избежать нового столкновения с овцами. А уж там-двигаться к югу без дорог, прямо по степи.

Однако грейдер в теплое время и зимой - совсем ие одно и то же. Летом он плотно утрамбован, вода с него скатывается, стекает в канавы, прокопанные обычно по его обочинам. Из них она быстро впитывается в почву.

А сейчас... Канавы оказались полны водой доверху.

Опять тащить Виталия на спине? Леонид принялся измерять стеблями бурьяна глубину канавы. Но стебли уходили в нее целиком - нечего было и думать о броде. Конечно, с разбегу можно бы и перепрыгнуть канаву. А калоши Виталия?

Леонид сверился по компасу, потратив на это несколько драгоценных спичек. Направление грейдера почему-то не сходилось с картой. Наконец он догадался отдать пистолет Виталию, отошел от стажера на несколько шагов все получилось правильно. Однако коробок порядком опустошился. Виталий сказал:

- Этак мне и прикурить не останется.

Леонид отдал ему коробок, только посоветовал пользоваться с теми же предосторожностями: зажигать спичку сидя на корточках спиной к ветру, пряча огонек в ладонях.

Но у Виталия все никак не получалось-ветер тушил и тушил спички. Виталий израсходовал их даже больше, чем Леонид, пока закурил. Тем временем Леонид надумал двигаться вдоль грейдера на юго-восток в надежде, что канавы где-нибудь помельчают или совсем сойдут на нет. Так они и пошли, и грейдер, действительно, стал подниматься на холм - канавы обезводились.

Тут из-за бугра на летчиков вдруг покатились какието огромные ослепительно яркие шары. В первую минуту, когда шары только показались над гребнем, Леонид было подумал: желтые фары фашистских танков! И, схватив Виталия за руку, оттащил его в сторону от грейдера. Однако шары неслись по степи сами по себе. Они догорали, гасли, не долетев до летчиков. Затем к огненным шарам прибавились осветительные ракеты. Эти взлетали вверх и на несколько минут повисали в воздухе, освещая местность призрачным лунным светом.

Леонид не то читал, не то от кого-то слышал, что фашисты по ночам часто устраивают подобные фейерверки - боятся. Но одно дело читать или слышать и совсем другое - видеть. Здесь немцы словно стреляли ракетами в них обоих. Летчики с трудом подавляли в себе желание вскочить, отбежать подальше. Они залегли в бурьяне, сняли и спрятали в карманы комбинезона свои летные очки, чтобы блеск их не выдал.

Потом по полю стали шарить лучи прожектора. Леонид понимал, что нельзя убегать от них так, как пытаются спастись зайцы под фарами автомашин. А все же хотелось вырваться из этого светового плена. Будто бы он на своем "ишачке" попал в перекрестье лучей и надо сделать крутой боевой разворот или скользнуть на крыло, чтобы обмануть прожектористов, - так просто! Однако на земле-в двухмерном пространстве-этого не

сделаешь.

Нет, не может быть, чтобы вся вакханалия огней была затеяна из-за двух человек, чтобы это их так искали. Нелепые мысли только проносились в мозгу и тут же отвергались. Летчики по-прежнему неподвижно лежали в бурьяне.

Всему приходит конец - фейерверк прервался так же внезапно, как и возник. Сразу вслед за ним по грейдеру началось шествие машин. Вовсю светя фарами, они мчались одна за другой - танки, бензовозы, грузовые машины. Опять летчики высвечивались, не могли пошевельнуться. Но никто не обращал на них внимания. "Драпают, не до нас им!" - успокаивал себя Леонид. Еще по прежним полетам он понял: фашистские войска откатываются вдоль дорог - при нанесении на карту получались такие длинные языки или стрелы, А наши наступали по параллельным дорогам, иногда даже обгоняя отступающих. "Слоеный пирог" - вспомнилось Леониду чье-то образное выражение. И сейчас они движутся наискосок, пересекают один из путей отхода врагов. Но, значит, скоро выйдут на трассу наступления наших подвижных войск? А ведь была минута - Леонид уже хотел подпаливать бурьян, чтобы сжечь карты и документы.

Но вот прошла последняя автомашина. Леонид и Виталий еще с минуту полежали. Потом поднялись, побрели к грейдеру. Они остановились у пересохшей канавы, когда из-за бугра блеснули фары. Леонид толкнул Виталия и сам тоже свалился в канаву. Бесполезно было гадать, успели ли их заметить. Все равно в таком случае достаточно одной автоматной очереди на двоих. Но машина с грохотом пронеслась мимо, лишь обдав их бензиновой гарью.

Не сговариваясь, они вскочили, перебежали грейдер и вторую канаву, отбежали несколько шагов в сторону...

Снова фары! Летчики упали в бурьян. "Факельщики", - догадался Леонид. О командах фашистов, оставляющих после себя зону пустынь, он читал в газетах.

Минут через пять он скомандовал Виталию подъем, и они потащились по степи без дороги. Идти было труднее, чем в начале пути. Бурьян мешал путался между ног. А ветер, наоборот, толкал в спину. Виталий то и дело терял свои калоши, и Леониду приходилось искать их ощупью, чтобы стажер не промочил унты в грязи.

Ветер все усиливался. Казалось, вот-вот пойдет снег - начнется настоящий зимний буран. Леонид вспомнил одну из своих любимых песен: ".. .в той степи глухой заа-мерзал ямщик". И воображение уже рисовало такую же участь и им. Но вместо

снега полил дождь. Он налетал порывами, стихал и снова словно тысячью хлыстов сек летчиков.

Леонид перестал сверяться по компасу и карте-зажечь спичку под этаким дождем было невозможно. Он сетовал на интендантов - не обеспечивают карманными фонарями. Вспоминал, как Старик посмеивался: "Станете бегать по ночам на свиданья, батареек вам не напасешься". Невольно Леонид удивился: "Вспоминаю, словно давно это было - в другой жизни..."

Виталий окончательно завяз в упругом, пружинящем бурьяне - упал. Леонид кинулся помочь ему, и Виталий пробормотал смущенно:

- Летать рожденный - не может ползать.

- Что ж, давай руку - полетим.

- А знаете, как нам в летной школе показывали боевые порядки истребителей?

- Нет, не знаю.

- На строевых занятиях! Мы становились звеньями во фронт, потом начинали движение и по командам на ходу перестраивались то в левый, то в правый пеленг, то снова возвращались к боевому порядку фронт. Так нас тренировали перед полетами в строю. Получалось, что мы на земле действовали, как должны будем действовать в воздухе, - пешие по-летному.

- Ну а здесь у нас с тобой наоборот получается: летные по-пешему.

И рожденные летать все же поползли дальше.

Неожиданно в полной тьме они едва не наткнулись на какое-то жилье. Прямо перед ними темнел не то дом, не то сарай. Подальше белело несколько стоявших в ряд мазанок.

Виталий обрадовался: вот он сейчас войдет в первую же хату, спросит, что за селение и как пройти к хуторам Свободному или Ново-Донскому.

- С ума сошел! Убьют, если там фашисты.

- Не могу больше идти.

- Ну сядь отдохни вон у сарая.

Летчики сделали несколько шагов, и то, что казалось сараем, на глазах превратилось в стог. Виталий тотчас присел под него с подветренной стороны - хоть от дождя защитился. Леонид достал свой НЗ, разделил его пополам с Виталием. После еды захотелось пить. С другой стороны стога по сену текли ручейки - Леонид напился. А когда вернулся, Виталий уже спал. Леонид понимал: ему все равно не заснуть - мокрые ноги начинали отчаянно мерзнуть, как только он останавливался.

И, держа пистолет в правой руке, готовясь при случае

выстрелить, он пошел к домам. Надо было определиться. Ведь последние часы они двигались по степи, угадывая дорогу лишь благодаря ветру. А он мог незаметно изменить направление.

Леонид остановился шагах в двадцати от белевшей впереди мазанки. Говорят, сомневаясь-воздерживайся!

Он это вовремя вспомнил. Неожиданно блеснула полоса света - дверь мазанки открылась и тут же закрылась.

Кто-то вышел из хаты и пошел по улице, подсвечивая себе карманным фонариком. Неужто здесь немцы? У наших ведь нет карманных фонариков.

Захлопали двери в других домах. Замелькали по улице узкие пучки света, послышались команды... Слов он не различал из-за ветра. Да и темнота не только скрывала Леонида - мешала толком разобраться: свои или чужие поднимаются по тревоге. Тут колонна автомашин, светя желтыми (немецкими) фарами, стала вытягиваться из поселка. И Леонид понял, что идет она в сторону все той же станции Атаман. Ночью наши наступать нс станут, да еще с горящими фарами... Значит, и здесь фашисты бегут. Да, вероятно, сейчас летчики как раз и вышли на такой путь отхода.

Ступая осторожно, Леонид возвратился к Виталию.

Невольно позавидовал спокойному сну юноши. И впервые ощутил, что тоже устал. Присел под стог, снял сапоги, растер замерзшие ступни. Затем разгреб сено и сунул туда ноги - в тепло. Сено приятно щекотало кожу, и ноги быстро согрелись. Сырые носки Леонид спрятал под комбинезон в надежде высушить. А сапоги набил сухим сеном и тоже затолкал поглубже в стог, благо сено еще не слежалось.

Леонид блаженствовал, даже вроде задремал. Увы, ненадолго. Внезапная судорога болью свела ступни, задрала вверх большие пальцы. Он принялся растирать ступни - верное средство и на этот раз помогло. Снова он начал задремывать - привычная настороженность его оставила, он забылся, очень уж разморило тепло, приятно опьянил запах сена... Но тут еще более острая судорога пронзила голень, натянув сухожилия. Казалось, они того гляди лопнут. Леонид подскочил, словно его ударило током, и едва не вскрикнул боль была нестерпимой.

Он попытался изменить положение тела в стогу. Однако снова и снова судороги стягивали большие пальцы ног - растирание помогало лишь ненадолго. Пришлось надеть сырые носки, натянуть так и не высохшие сапоги, вылезти из стога... Леонид топтался на одном месте, время от времени подпрыгивая, давая разминку усталым мускулам. А Виталий спал себе преспокойно, хотя п натренированности далеко уступал своему старшему товарищу. "Молодость, счастливая молодость!.." - почти

постариковски роптал Леонид. Ему жалко было будить Виталия, но не проводить же всю ночь в стогу рядом с только что оставленным немцами хутором.

Виталий сначала молча отбивался. А когда Леонид силой поставил его на ноги, сказал с горечью:

- Ну куда мы пойдем? Направления точно не знаем.

Проще у жителей спросить, кто в поселке.

- Жители разные-иные могут и выдать нас.

- Пойду один, пусть погибну, зато вы дойдете.

- Запрещаю!

Леонид не разрешал себе колебаться. Он видел: колонна автомашин покинула хутор. Но неизвестно, не осталась ли там какая-то часть войск противника. Да и новые вражеские подразделения еще могут подойти.

Леонид решил: к своим идти всю ночь-вплоть до рассвета. На свету и определиться будет легче. А пока ориентироваться по ветру - вряд ли он так уж резко изменил направление. Днем они в крайнем случае отсидятся в скирдах или стогах.

Дождь прекратился, однако ветер стал заметно холоднее. Мокрые комбинезоны, летные шлемы, перчатки, унты Виталия и сапоги Леонида покрылись тонкой ледяной коркой. На ходу корочка льда отшелушивалась, спадала. Но на мокрой одежде словно бы изнутри нарастала новая. Ломаясь и крошась, она слегка позванивала.

"Нам будто ботала подвесили, как коровам", - посмеивался про себя Леонид.

А Виталию было не до смеха. Он едва тащился, шлепая калошами по грязи. Иногда Леониду казалось: вотвот он упадет! И Леонид шел с ним рядом, чтобы поддержать парня. Вдруг он присел, потянул Виталия за рукав, шепнул:

- Смотри! Не часовой ли там на бугре?

Действительно, на фоне неба впереди вроде вырисовывалась фигура... Вот она шевельнулась... Виталий ответил тоном полнейшего безразличия:

- Человек с ружьем.

Он уже сел - использовал предлог для отдыха. И было неясно: заметил ли Виталий у часового винтовку или просто вспомнил название пьесы? Леонид подумал: чей бы ни был этот часовой, он в такую ночь выстрелит без предупреждения, не станет разбираться, свои или чужие.

Леонид поднял Виталия, повлек его в обход...

Внезапно ночь посветлела - это чудо сделала луна даже сквозь тучи, как только взошла над горизонтом.

Леонид сразу упал, потянув за собой и Виталия. В

прозрачном лунном свете - смутно, а все же можно разобрать - прямо под ними раскинулась широкая балка с крутыми берегами. Летчики лежали на ее краю, а в ней было полным-полно танков и автомашин...

"Снизу на фоне неба нас будет видно, как того часового, если встанем", - соображал Леонид. Он напряженно всматривался, но, конечно, никаких знаков опознавания разглядеть не мог. Да и контуры машин и танков расплывались, не удавалось определить, чьи они. Наверно, все-таки немецкие. В балке господствовала абсолютная тишина, не было никакого движения. Леонид понимал: в степи любые войска чаще всего располагаются по оврагам, ложбинам ради близости к воде. Вот и на дне этой балки поблескивал ручей, его пересекала полоса довольно густых кустов - там можно скрытно перебраться. .. Леонида аж передернуло- опять идти вброд по холодной воде!

Они немного отползли от края балки н пошли вдоль нее в обход. Леонида теперь страшно раздражал звук шлепающих калош. Если бы ремень или веревка - подвязать бы их! Но ничего похожего у летчиков не было.

Зато им повезло: они по кустам спустились к ручью и Леонид нечаянно набрел на узкое место. Виталий перепрыгнул, не потеряв калош.

Теперь земля, раскисшая было от дождя, покрылась твердой коркой, как и одежда летчиков. Идти стало труднее в тех местах, где прежнюю мягкую почву пересекли следы танков и автомашин. Но своих или вражеских?

"Да, сверху - для летчика - этот чертов "слоеный пирог" выглядит куда проще и понятнее, чем для пешего", - невесело заключил Леонид.

Однако пружина дальнего пути еще подталкивала его. Леонид словно физически ощущал инерцию движения. Она не позволяла остановиться. И в нем все еще жила уверенность: они не погибнут, дойдут к своим.

Миновав благополучно балку с танками, летчики вскоре вышли ко второй. Вдоль нее тянулся ряд белых мазанок с голыми зимними садочками. Это напоминало японские гравюры - черной тушью по белесому или светлосерому фону.

Опять Виталий стал просить разрешения воитн в первую хату-узнать, что в хуторе. Начало развпдняться.

Леонид не то чтобы заразился усталым безразличием Виталия, но почувствовал: пора позаботиться о дневке. Он сказал:

- Ладно, сейчас узнаем. Только я сам пойду. Вот, держи мой планшет с документами и картами. Станешь около вон той глухой, без окон, стены. Если услышишь стрельбу, сразу сжигай

все. Лишь после того двигай мне на помощь. Ну а последнюю пулю, как уговаривались, - помнишь?

- Помню, товарищ старший лейтенант!

Леонид положил Виталию руку на плечо, легонько притянул юношу к себе, но тут же и оттолкнул. Сказал:

- Ну, пока!

Леонид осторожно обошел хату, дернул дверь. Она была заперта изнутри. Леонид подумал: "Мы все же отошли от станции Атаман километров пятнадцать - двадцать. И противник продолжает отступать. Уж в этом-то хуторе вряд ли остались немцы. А нам все-таки лучше в домах прятаться, чем в степи замерзать..." Он сильно постучал в дверь. И тотчас женский голос за дверью отозвался:

- Кто там?

- Скажите, какие войска в хуторе?

- Да кто ж их знает? Я три дня из дому не вылажу.

Может, еще немцы, может, уже красные... Вы напротив зайдите, там скажут.

Леонид про себя отметил: сказала не "наши", а "красные"! Боится? Из последних сил он пересек широкую, травянистую, посеребренную и скованную утренником улицу хутора. Дверь в хату напротив была открытавиднелись обширные пустые сени. Только подойдя ближе, Леонид разглядел в нх глубине большой плоский сундук.

И услышал сзади шум... Резко обернулся-Виталий! Тот повесил на себя оба планшета и плелся, держа в правой руке пистолет, а в левой - карты, документы и спички...

Но тут за спиной Леонида в хате хлопнула дверь! Он снова обернулся-уже рывком. В проеме входной двери стоял высокий седой старик. Леонид непроизвольно направил на него пистолет, сделал несколько шагов - вплотную подошел к двери. Спросил свистящим шепотом:

- Кто в хуторе, немцы или красные?

Нарочно повторил слова женщины из дома напротив.

Пусть старик не догадывается, чьи это летчики, на них ведь нет никаких знаков различия. Так он вернее ответит правду. Но старик побледнел, попятился и неожиданно сел на сундук. Он молчал.

Леонид переступил порог сеней и повторил свой вопрос как только мог тише. А старик по-прежнему упорно молчал. Таращился - силился скрыть страх. Леонид почувствовал, что осторожничать уже нет сил - надо действовать. И он дернул дверь, ведущую из сеней в хату, так, словно первый раз в жизни вырвал вытяжное кольцо парашюта.

Прежде всего бросились в глаза сапоги - на кровати лежал военный. Леонид навел пистолет ему в грудь, а взгляд скользнул дальше и уперся в синие петлицы на вороте зеленой гимнастерки. Там убедительно красовались такие же, как у него самого, "кубики", только не три, а два красных квадрата - знаки различия лейтенантакавалериста! Значит, вопреки всему, он дошел к своим.

И хотя наконец ничто не угрожало им с Виталием, победного настроения не было. Он только еще сильнее, чем даже во время их трудного пути, ощутил свою немыслимую усталость. Долго сдерживаемая, она словно прорвалась лавиной-затопила Леонида целиком. И он уже не мог ни радоваться удаче, ни гордиться собой. Слишком велика была его измученность, она не пропускала сквозь себя ничего. Гасила торжество, подавляла все чувства.

Каким-то последним усилием воли Леонид не позволял себе просто лечь на пол. А Виталий, войдя вслед за ним в хату, сразу сел на пороге-понял, что попал к своим.

Леонид разбудил лейтенанта-кавалериста. Тот, увидев летчиков, вскинулся, стал было нашаривать лежащую рядом шашку... Но Леонид сказал:

- Успокойтесь! Наш самолет сбили немцы у станции Атаман, и мы всю ночь шли пешком к своим. Устали очень. О нас надо дать радиограмму в штаб фронта.

Можно и открытым текстом, быстрее дойдет.

Леонид присел к столу, вынул блокнот из планшета, написал радиограмму капитану Воротову. Капитан сразу сообщит в полк - Старику не придется долго беспокоиться о судьбе пропавших летчиков.

И лейтенант - командир взвода конных разведчиков-послал одного из бойцов на радиостанцию своей кавдивизии.

В хате было размаривающе тепло. Летчики с наслаждением разулись, сняли шлемы и комбинезоны. Леонид попросил таз с теплой водой и принялся отогревать застывшие ноги. По нечувствительности больших пальцев заключил: они отморожены. Спросил лейтенанта, где у них врач. Но тут же рассудил, что гораздо раньше увидит своего полкового доктора Козулина - наверно, командир полка пошлет за ним и Виталием санитарную машину.

Вошел тот старик, что встретил их в сенях, - видимо, хозяин хаты. Леонид спросил:

- Как же вы не крикнули, не предупредили лейтенанта? Будь мы немцами, могли бы его убить.

- А ты зачем туману напускал? "Красные, красные. .." - так

только фашисты говорили.

Леонид рассказал о хозяйке первой хаты. Но старик не принял его объяснения:

- Глупую бабу послушал. А что она знает? Три дня из дому не выходит трясется.

"И ты не больно-то храбрился под пистолетами", - подумал Леонид. И перевел разговор, спросил:

- Сильно вас фашисты притесняли?

- Так они разве ж люди? Сядут за стол, угнутся всяк над своей миской... Ровно собаки...

В этот момент хозяйка внесла чугун супа, поставила на стол,пригласила:

- Откушайте с нами чем бог послал!

И Леонид понял сравнение старика "ровно собаки" - вся семья по старинному обычаю ела прямо из котла. Левой рукой под ложкой поддерживали ломоть хлеба, чтобы не пролить суп на стол. И сидели выпрямившись, хлебали не торопясь, с достоинством.

После сытой еды Леонид свалился на постель и сразу уплыл в сон.

Когда он проснулся, в хате никого не было. Только Виталий еще по-детски сладко посапывал. И Леонид позволил себе немного понежиться - давно не приходилось.

Он даже не знал, сколько сейчас времени, долго ли спал.

Забыл утром завести часы, и они, конечно, остановились - не привыкли к такому обращению. Да и делать все равно было решительно нечего-только ждать машину. Беспокоила судьба оставленного ими "кукурузника". Но Леонид понимал, что сегодня же в полку он все узнает о самолете.

Вдалеке загудел мотор. Ближе, ближе... Под окнами хаты машина скрежетнула тормозами и остановилась.

Леонид услышал голос доктора Козулипа:

- Ну, где тут наши летчики?

Во дворе доктору что-то тихо ответил хозяин хаты, но Козулин продолжал по-прежнему громко:

- А вот я погляжу, какие ноги так далеко их занесли.

Леонид сел на кровати, спустил на пол босые ступни и лишь сейчас заметил: большие пальцы распухли. На левой ноге - сильнее. Но боли не было.

Козулин, войдя в хату, сказал нарочито ворчливым "докторским" тоном:

- Больным полагается принимать горизонтальное положение, когда в палате появляется врач.

Леонид подчеркнуто старательно разлегся в позе больного. И

доктор подсел на постель, сказал уже весело:

- Ну-ка, посмотрим ваши геройские конечности!

Он грубовато, как показалось Леониду, помял большие пальцы - от неожиданной боли Леонид даже дернулся. Козулин на это не обратил внимания, бодро заверил пациента:

- Радуйтесь н веселитесь-ампутации не подлежат!

Леониду, конечно, и в голову не приходило, что их могут отрезать. На лице его изобразилось удивление вместо радости. Козулин это заметил, счел долгом объяснить:

- Капитан Воротов рассказал нам: чтобы сюда попасть, вы должны были перейти вброд три балки с разлившимися ручьями. А в январе мокрые ноги чреваты обморожением и гангреной. Сами понимаете. Ну, давайте-ка их сделаю вам все-таки перевязку.

- Как же я тогда? В сапоги не влезу...

- А я ваши унты привез, командир полка приказал захватить. И о "кукурузнике" своем не тужите. К нему Синев с техником слетали. Оказалось, надо только бензобак сменить, н завтра снова можно лететь в разведку.

1977